

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-281-295

БАСЕННОЕ НАСЛЕДИЕ БАРАСБИ ТХАМОКОВА: ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА**К.О. ХАШИР**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: cara.khashir@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется басенное наследие кабардинского писателя Барасби Тхамокова. Актуальность исследования связана с отсутствием в адыгском (черкесском) литературоведении научных работ, посвященных не только басням, но и в целом литературному творчеству Б. Тхамокова, также впервые автором статьи сделан художественный перевод басен на русский язык. В центре исследовательского внимания – басни из поэтического сборника писателя «Спокойное слово»: «Лягушка и Дракон» («Хьэндьркьуакьуэмрэ Благуэмрэ»), «Сурепка и Пырей ползучий» («Хьэкьыршымрэ Шьдудзымрэ»), «Землянка и Родник» («Щьгунэмрэ Псынэмрэ»), «Утиная голова» («Бабыщыщхь»), «Оса и пчелы» («Хьэдзыгьуанэмрэ Бжьэхэмрэ»), «Насекомое и капуста» («ХьэпIацIэмрэ Кьэбыстэмрэ»), «Медведь и Волк» («Мыщэмрэ Дыгьужьымрэ»), «Почтительность и Счастье» («Нэмысымрэ Насыпымрэ»). В обозначенных произведениях прослеживаются идейные взгляды Б. Тхамокова, его философское осмысление жизни и опора на черкесский этический кодекс «Адыгэ хабзэ». В исследовании применен метод литературоведческого анализа. Полученные результаты могут быть использованы при составлении спецкурсов по адыгской литературе.

Ключевые слова: Б. Тхамоков; адыгская литература; кабардинская поэзия; басня; философская лирика.

**FABLES IN THE LITERARY HERITAGE OF BARASBI TKHAMOKOV:
POETICS AND PROBLEMS****K.O. KHASHIR**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: cara.khashir@gmail.com*

Abstract. The article examines the fable heritage of the Kabardian writer Barasbi Tkhamokov. The relevance of the study is associated with the absence of scientific works in Adyghe (Circassian) literary criticism, devoted not only to fables, but in general to the literary work of B. Tkhamokov, and for the first time the author of the article made an artistic translation of fables into Russian. Fables from the poetry collection of the writer «Quiet Word» namely «The Frog and the Snake» («Хьэндьркьуакьуэмрэ Благьуэмрэ»), «Barbarea and Grass» («Хьэкьыршымрэ Шьудудзымрэ»), «Dugout and a spring» («Щыгунэмрэ Псынэмрэ»), «Duck head» («Бабыщыщхь»), «Wasp and bees» («Хьэдзыгьуанэмрэ Бжьэхэмрэ»), «Insect and cabbage» («ХьэпIацIэмрэ Кьэбыстэмрэ»), «Bear and Wolf» («Мыщэмрэ Дыгьужьымрэ»), «Respect and Happiness» («Нэмысымрэ Насыпымрэ») are in the center of research attention. B. Tkhamokov's ideological views, his philosophical understanding of life and reliance on the Circassian code of ethics «Adyghe khabze» are traced in the designated works. The study used the method of literary analysis. The results obtained can be used in the preparation of special courses on the Circassian literature.

Keywords: B. Tkhamokov; Circassian literature; Kabardian poetry; fable; philosophical lyrics.

Несмотря на значительный вклад различных исследователей в расширение и обогащение кабардинской литературной критики, все еще сохраняется внушительный пласт авторов оригинальных художественных текстов, чья роль в развитии адыгской культуры остается по сей день малоизученной. В их число входит поэт-философ, детский писатель, пробовавший себя также в драматургии и публицистике, Барасби Гумарович Тхамокв (1940–2010), который не только оставил после себя значимое творческое наследие, но и заработал репутацию «человека интересной судьбы, яркого жизненного пути и безукоризненной честности» [Эфендиев 2010: 392]. В его жизни и творчестве не было притворства, только подлинная элегантность, делающая его строки запоминающимися. Никаких изощренных словесных игр, остроумных этимологизаций или экспериментов с формой, в основе его поэтики лежат простая синтаксическая организация текста и не теряющаяся от этого глубина смыслового содержания: «В стихах Тхамокова, чему бы они ни посвящались, всегда присутствует эта удивительная простота и душевная щедрость» [Алхасова 2019: 75].

При жизни Б. Тхамокв успел издать четыре книги: сборник рассказов для детей «Цветы» («Удз гьэгьэхэр», 1980), сборник рассказов «Неделимое счастье» («Насыпыр Iыхьэ мыгуэщ», 1989), поэтический сборник «Спокойное слово» («Псальэ Iэсэ», 1994) и труд «Избранное» («Тхыгьэхэр», 2000).

Свой творческий путь Б.Г. Тхамокв начал в эпоху, которую принято называть «оттепелью» (50–70-е годы XX в). Для кабардинской литературы этот период характеризуется в первую очередь активным расширением деятельности переводчиков, что закладывает основу для более обширного взаимодействия русской и адыгской культур. Однако данный факт не приводит к растворению одной культуры в другой, наоборот, кабардинские писатели постепенно отходят от литературного подражания и развивают собственный оригинальный стиль: «С полным правом можно говорить о взаимовлиянии литератур. Без преувеличения отметим, что в кабардинской литературе еще

встречались отдельные, небольшие подражательные произведения. Но в общей сложности в кабардинской литературе появились свои, уходящие корнями в народное творчество, в национальный менталитет, чисто адыгские сочинения» [Алхасова 2019: 73].

В становлении и развитии творчества писателей того времени одну из ключевых ролей играли публикации в литературных журналах, знакомивших читателей с новинками оригинальной или переводной литературы и имевших тогда значительное влияние на формирование общественного мнения. Рассказы «Мысхуд во хмелю» («Мысхьуд чэфыжьыпкъэт»), «Гроздь калины» («Зэрыджэ Ёрамэ»), современные сказки «Как искали свиной волос» («Кхьуэц кьызэралъыхьуар»), «Петух попал в кипяток» («Адакъэр псывэм хэуплащ»), одноактная пьеса «В стане – волнение» («Псэжьхэр зэрызохьэ»), поэма «Светлая притча» («Псысэжь нур») и многие другие произведения Б. Тхамоков публиковал в одном из значимых литературно-художественных и общественно-политических журналов на кабардинском языке – «Юащхьэмахуэ» («Ошхамахо»).

В целом журналистская деятельность являлась важной частью жизни писателя, работавшего в таких газетах, как «Вперед», «Каменский рабочий» и «Адыгэ псалъэ» («Адыгское слово»). Знакомство с периодическими изданиями происходит у Б. Тхамокова еще в раннем возрасте. В газете «Кабардино-Балкарская правда» С. Моттаева указывает: «Со студенческих лет [Тхамоков] активно сотрудничал с республиканскими газетами и журналами. Его любимыми жанрами в то время были стихи и басни» [Моттаева 2015: 3].

Басенное наследие Б. Тхамокова до этого времени ни разу не являлось темой для отдельного исследования, более того, отсутствуют переводы басен писателя и их адаптации для русскоязычных читателей. В связи с этим автором в данной работе впервые выполнен анализ басен Б. Тхамокова и их художественный перевод.

В сборнике «Спокойное слово» приведены басни Б. Тхамокова «Лягушка и змея» («Хьэндьыркьуакьуэмрэ Благьуэмрэ»), «Сурепка и Пырей ползучий» («Хьэкьырымрэ Шьудудзымрэ»), «Землянка и Родник» («Щьунэмрэ Псынэмрэ»), «Утиная голова» («Бабыщыщхьэ»), «Оса и пчелы» («Хьэдзыгьуанэмрэ Бжьэхэмрэ»), «Насекомое и капуста» («Хьэплагьэмрэ Кьэбыстэмрэ»), «Медведь и Волк» («Мыщэмрэ Дыгьужьымрэ»), «Почтительность и Счастье» («Нэмысымрэ Насыпымрэ»), которые написаны в поэтической форме [Тхамоков 1994: 49–52].

В предисловии к данному сборнику («Щьэдзэкьафь») поэт Лиуан Губжоков пишет: «Когда читаешь стихи Барасби Тхамокова, сразу замечаешь душевность автора, мягкость его сердца, его тихий, словно песня, разговор с читателем. Его красивые мысли притягивают, увлекают и делают тебя своим собеседником. Для многих поэтов подобное является заветной мечтой» [Тхамоков 1994: 4].

Для стихотворений Тхамокова действительно характерна общая лирическая направленность, однако поэт склонен выражать не только субъективные чувства и переживания, связанные с частной жизнью.

Социальные проблемы, в частности тема несправедливости общественных отношений, также входят в сферу его творческих интересов, что позволяет нам говорить и о реалистической стороне его басенной поэтики.

В басне «Оса и пчелы» [Тхамоков 1994: 51] показаны отрицательные стороны общественного строя, связанные с взаимодействием руководителя и его подчиненных.

Сюжет основан на том, что оса, воображая себя большим начальником, прилетает к пчелиным ульям, отвлекает пчел от работы и, будучи при этом несведущей в вопросах изготовления меда, долго наставляет их, чтобы увеличить количество данного продукта и повысить его качество:

Жила-была жужжливая оса
И вдруг начальником себя вообразила.
К пчелиным ульям полетев, она
Трудолюбивых пчел с рвением учила:
«Друзья, я не умею делать мед, как вы,
Но прилетела передать вам знания,
Как можно больше меда получить
И качество его повысить при старании».
Очки сверкали, речь лилась рекой,
А пчелы слушали и молча усмехались:
Какая польза им от этих жарких слов?
Оса держала их, работать не давая.
Она твердила: «Знания важны!»
А время шло, пока она жужжала...
Прошла пора мед делать. Где же мед?
Кого винить, что в ульях пусто стало?
Забыв про наставления, оса,
Покинув улья, навсегда пропала.
(Пер. подстр. – К.Х.)

Под пчелами, по сути, автор имеет в виду простой трудящийся народ, благосостояние которого во многом зависит от поведения власти. Сам народ при этом зачастую не позволяет себе идти наперекор начальству, несмотря на дальнейшие потери, которые в связи с этим может понести. Пчелы здесь лишь набираются терпения и молча созерцают: «А пчелы слушали и молча усмехались».

В результате действий осы улей остается на определенное время без внимания, что приводит к разорению пчел. Данную ситуацию можно считать примером невежества руководящего звена, которое стремится, подобно осе, получить в последующем прибыль в большем размере, но из-за собственной некомпетентности способно лишь разрушать уже имеющееся. Также важным выводом из басни является осознание того, что наставления людей, которые по факту несведущи в обсуждаемых вопросах, деструктивны и не несут в себе никакой пользы.

Выбор пчел в качестве персонажей может быть обусловлен не только их традиционным аллегорическим значением (представление о пчеле на ассоциативном уровне прочно связано с трудолюбием и усердием), но и тем, что пчеловодство было одним из древнейших занятий адыгов, а мед был одним из их основных продуктов питания. Пчела (бжьэ – каб.) имеет сакральный, кодификационный характер в системе адыгских мифопоэтических воззрений. [Кудаева 2012: 40]. В частности, археолог и путешественник Ф.Д. де Монпере отмечает: «У них [черкесов] есть Мерисса, защитница пчел. Они утверждают, что, когда все пчелы погибли, в живых осталась только одна, которая спряталась в рукаве Мериссы, и та ее спасла, после чего от той пчелы произошли все пчелы, которые сейчас существуют» [Монпере 1937: 55].

Пчела также выступает в качестве главной героини басни поэта и главного редактора газеты «Черкес Хэку» («Родина черкесов») Увжуко Тхагапсова «Пчела и мухи» [Тхьэгъэпсэу 1989: 9]. Тематика басен во многом совпадает, однако следует отметить и особенности каждой из них:

Толпа голодных мух однажды
Пустилась в путь, чтобы набить живот.
Увидели пчелу, которая трудилась,
Откладывая в норку сладкий мед.

Давно пустыми были животы,
Ну как грабителям мимо еды пройти?
Но разве мухам разрешит пчела
Взять то, что собирала, берегла?
(Пер. подстр. – К.Х.)

В данном случае антагонистами выступают мухи, решившие отобрать мед у усердной пчелы. Если пчелы у Б. Тхамокова избирают для себя роль пассивных наблюдателей, не решившихся возражать осе, здесь пчела выражает активную жизненную позицию и не желает отказываться от своего труда:

Скажу наперед вам такие слова:
Пчелиному роду я буду верна.
И я не сложу пред врагами меч свой,
И пот мой не станет лентяям едой.
(Пер. подстр. – К.Х.)

По нелепой случайности ее крыло попадает в мед, застревает, и она оказывается в ловушке, будучи вынужденной в дальнейшем прислуживать обидчикам и лишенной возможности заниматься своим ремеслом. Однако даже в такой ситуации она старается сохранить свою истинную сущность:

Пчеле так часто снится по ночам,
Как мед усердно делает она.

И образ жизни пчел, пчелиные труды
Ей прямо в сердце, в душу залегли.
И это с каждым днем сильнее ощущает,
Сегодня очень важным то считает.
(Пер. подстр. – К.Х.)

Под осой же подразумевается не умеющее трудиться, бесполезное существо, способное лишь к пустому наставлению, как и многие начальники, о которых говорит с помощью этой аллегории Тхамоков. О бесполезности осы говорится также в басне русского поэта К. Берегова «Пчела и оса»:

Хотя по внешности на пчел похожи осы,
Но главного ты не учла,
Что пользу разную наш труд приносит.
От Ос нет выгоды народу –
Ни воску, и ни меду!
Вы, может, трудитесь немало,
Но для себя самих.
А для других
Не жалко только жала...
Кто для себя весь век живет,
Надеяться не может на почет [Берегов 1997: 11–12].

Б. Тхамоков не включает в текст басни психологические подробности, ограничивается минимумом диалога (во всей басне встречается только два предложения, оформленных как прямая речь). Басня достаточно проста по содержанию и имеет легкий, без лишних подробностей сюжет и классическую форму, что является необычным в двадцатом веке, ведь с приходом модернизма наивное чтение, то есть способность читать без специальных навыков, становится редкостью.

Для Б. Тхамокова крайне важна воспитательная роль басни, ее нравоучительное значение. Например, басня «Медведь и Волк» [Тхамоков 1994: 52] сразу начинается с морали, автор обращается к читателям:

Людьми бессовестными быть никак нельзя!
И мы относимся к таким с большим презреньем.
Но если в их делах кто помогает им,
То разве он достоин уваженья?
В пример историю хочу вам рассказать,
Мораль сей басни помогу понять.
Соседи знали все: волк вором был большим.
Медведь жалел его и прикрывал его деянья:
«Не трогайте его, он бедный, нищий волк,
Не обращайтесь на него вниманья!»
Волк так привольно под защитой жил.

Соседи ту привычку переняли
И друг у друга стали воровать...
Я слышал, что медведя-то украли!
(Пер. подстр. – К.Х.)

Поучительный рассказ баснописец завершает гиперболически шутливо: украден сам медведь, поощрявший воровство: «Я слышал, что медведя-то украли!».

Здесь Б. Тхамоков выносит на обсуждение не только человеческие пороки: непорядочность и воровство, но и социальную проблему попустительства преступлению, ведь малые уступки в таких случаях могут привести в итоге к большим потерям.

Воровство, как правило, критикуется и является позорным для большинства народов, однако следует отметить и категоричное отношение к этому действию конкретно у адыгов. Несмотря на наличие у них социального института наездничества (зекIуэ), носящего ритуальный характер и основанного на военных походах, где адыги стремились в первую очередь проявить свою боевую доблесть и вследствие которых получали трофеи, имущество побежденных, само по себе воровство в частной жизни строго наказывалось. Исследователь адыгской этики Б. Х. Бгажноков отмечает: «Строго наказывали за воровство. Преступника водили по селу, повесив на него украденное (или какие-либо атрибуты украденного), громко выкрикивая его имя и сообщая подробно о содеянном. Эти и подобные им формы диффамации практиковались вплоть до 20-х годов нынешнего столетия» [Бгажноков 1999: 70].

Б. Тхамоков возвращается к вопросу несправедливости общественного порядка и социального неравенства в басне «Лягушка и Дракон» [Тхамоков 1994: 49]:

Усевшись на корягу средь воды,
Лягушка мнением своим делилась:
«Сильнее, лучше всех дракон наш старый,
А с ним давным-давно я подружилась.
Уже три века он живет в воде,
И он отлично знает свое дело.
Подумайте: три века, старше всех,
И жизнь его пусть длится без предела!»
Дракон, услышав данные слова,
Вдруг поднял голову и говорит квакушке:
«Ничтожество! Кто право дал тебе
Тут речи обо мне вести?
И съел лягушку!
(Пер. подстр. – К.Х.)

В данной басне автор ясно демонстрирует понимание общественных противоречий, выводит проблему противопоставления права и бесправия.

Дракон олицетворяет человека, обладающего силой и пользующегося своим положением, показывающего своим поведением пренебрежение к правилам и понимание собственной безнаказанности. Герой проявляет грубость в отношении лягушки, оскорбляя ее и раскрывая свою истинную сущность одними только словами: «Ничтожество! Кто право дал тебе / Тут речи обо мне вести?».

Концовка басни соотносится с термином «катастрофа», использованным Л.С. Выготским в рассуждениях о баснях И.А. Крылова: «Каждая басня включает в себе непременно еще особый момент, который условно называют катастрофой басни по аналогии с соответствующим моментом трагедии и который, может быть, правильнее было бы назвать по аналогии с теорией новеллы *pointe* (по Брику – шпилька) – ударное место новеллы – обычно короткая фраза, характеризующаяся остротой и неожиданностью». [Выготский 1986: 144]. В басне Б. Тхамокова конфликт всемогущего дракона и ничтожной лягушки ближе к концу собирается в одну точку и разрешается последней строкой, катастрофой-шпилькой: «И съел лягушку!».

У множества различных народов существуют мифы и сказки, в которых главный герой оказывается поглощенным драконом. В адыгском нартском эпосе мифический *благъуэ* (дракон) часто выступает олицетворением зла, хозяином водной стихии, перекрывает путь к водоемам, требуя за доступ к воде платы девушками.

С помощью образа другой героини басни, лягушки, автор показывает, к чему приводят недалёковидность и неумение строить выводы исходя не из исключительно своих соображений, но также из опыта. Лягушка переоценила загадочный мир своего соседа и решила, что, если он молчит и никого не трогает уже три века, значит, он по природе своей добр. В данном случае уместным кажется приведение русской народной пословицы: в тихом омуте черти водятся.

В басне «Утиная голова» Б. Тхамокова [Тхамоков 1994: 50] также поднимается тема недалёковидности и вместе с тем злорадства:

Однажды налетел ужасный ураган,
И все в курятнике от страха закричали.
А Утка, насмехаясь, им сказала:
«Что раскудахтались? Иль яйца потеряли?»
Вот снова дождь полил, как из ведра,
Замерзли лужи, холоднее стало.
Попала эта Утка в ураган
И чуть дыша в курятник прибежала.
Со смехом куры встретили ее:
«Добро пожаловать, красавица, жива ли?
И яйца с нами будешь ты нести,
Не зря же ты в курятник забежала!»
(Пер. подстр. – К.Х.)

Мораль басни не подается напрямую и растворена в тексте, однако ее суть можно передать с помощью крылатого выражения – хорошо смеется тот, кто смеется последним. Автор наглядно показывает, что человек не должен злорадствовать, радоваться несчастьем другого, ведь всегда может оказаться на его месте: утка в басне насмеялась над курами, испугавшимися непогоды, однако в итоге попала в такую же ситуацию и терпела насмешки уже от них.

Мораль басни можно выразить и кабардинскими пословицами: узэльэпауэр кьольэпэуэжынщ – кем пренебрегаешь, тот сам станет тобой пренебрегать, япэ джалэм ущымыдыхьэшх – над тем, кто первым упал, не смейся (не зная, что тебя ждет впереди, не радуйся, если у кого-то горе).

Б. Тхамокова также можно назвать поэтом-философом, так как в его стихотворных сочинениях выражены оригинальные взгляды на мир и человеческое место в нем, что является основной темой изучения для философской науки, и отличием здесь является лишь обращенность к личному, а не общему: «По сути, как философ, так и поэт в своих произведениях стремятся создать мир, разве что философ обращен к познанию нашего Универсума, поэт же творит свой Универсум, в котором знание об этом мире, истина – лишь одна из стадий, границ, которые поэт преодолевает в творческом порыве» [Столетов 2007: 19].

Если игнорировать лирические качества и рифму, можно сказать, что Тхамоков-баснописец порой выступает именно как чистый философ, пытающийся исследовать различные измерения жизни, то, что находится в ее пределах, а также метафизические элементы.

Литературовед и критик А.И. Павловский отмечает: «Философская лирика в основе своей всегда размышление, цепь умозаключений, с логической, подчас достаточно обнаженной, последовательностью, подводящих к определенному выводу. Следовательно, философской лирике свойственна известная обязанность едва ли не первую среди остальных видов поэтического творчества формулировать в чувственнообразной форме общественно-значимую идею-обобщение... Вместе с тем, подлинно поэтическое произведение философского склада, чтобы остаться художественным произведением и не перейти в трактат, должно заключать и развивать в себе не просто мысль, но мысль-образ, мысль-чувство, мысль-картину, а значит, породить в душе читателя по возможности широкую цепь эмоционально-смысловых ассоциаций, не сводящихся к однозначному выводу» [Павловский 1981: 188–189]. В лирике Б. Тхамокова размышления и выводы из них представлены не в форме трактата: они наполнены поэтически образным содержанием, это не просто мысли, а мыслеобразы.

Яркой иллюстрацией данных тезисов может служить басня об относительности счастья «Насекомое и капуста» [Тхамоков 1994: 51–52], несущая в себе глубокий философский смысл:

По скользкой дорожке ползла сороконожка,
Жизнь на верху капусты мечтой ее была.
Она достигла цели (предел ее мечтаний!)

И без забот и горя там счастливо жила.
Вдруг люди химикатами обрызгали капусту,
Ударилась о землю, осталась чуть жива.
Но вот она залезла обратно в свою норку
И, выжив, под капустой вновь счастье обрела.
Живешь ты на вершине иль в самой темной норке,
Тут как узнать, где лучше? кто может дать совет?
Мир может измениться всего в одно мгновение,
И жизнь все расширяет: и темноту, и свет.
(Пер. подстр. – К.Х.)

Окружающий мир переменчив, и, оказавшись в пограничной экзистенциальной ситуации, насекомое меняет свои представления о том, что является истинно ценным. Создание эпизода, где героиня находится между жизнью и смертью, дает возможность автору показать относительность того, что люди называют счастьем. Также образ сороконожки может быть олицетворением человека, который в любой ситуации старается смотреть на происходящее с ним (на взлеты и падения) в позитивном, благостном ключе.

Таким образом, басня «Насекомое и капуста» настраивает вдумчивого читателя на мысли о вечных философских вопросах, например: «Что есть счастье и что по-настоящему ценно?».

Желание настроить читателей на мысли о незыблемом и вечном можно прочувствовать и в басне Б. Тхамокова «Сурепка и Пырей ползучий» [Тхамоков 1994: 49]:

Сурепка и пырей ползучий, обнявшись на лугу,
Друг друга долго от души хвалили
И, не жалея слов красивых, говорили:
– Как ты прекрасно выглядишь, мой друг,
Таких красивых наш не видел луг!
– И лучше нас нет никого на свете!
– Не верь другим, не забывай об этом!
От идеала оба были далеки:
Пырей с сурепкой – просто сорняки...
(Пер. подстр. – К.Х.)

Бездарные, ограниченные люди нередко хвалят друг друга, потому что обоим это приятно и выгодно, как в известной басне И.А. Крылова кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. При этом очевидно, что герои Б. Тхамокова не обладают теми достоинствами и талантами, о которых идет речь: оба являются сорняками.

Понятно человеческое стремление нравиться самому себе, а также нравиться другим, и эту потребность в одобрении невозможно удовлетворить самостоятельно. Взаимная похвала даже в условиях несоответствия комплиментов реальному положению дел способна предохранять от

негативных чувств и послужить укреплению самооценки, однако автор с помощью последних строк четко дает понять читателям свое неприятие подобных действий: даже если герои искренне верят в свои дифирамбы, их слова не соответствуют действительности.

Философской также можно назвать басню Б. Тхамокова «Землянка и Родник» [Тхамоков 1994: 49–50]:

«В жару прохладно у меня,
А в холода тепло.
И хоть похожа на тебя,
Но мне не повезло.
В душе нет счастья у меня,
А ты доволен, друг.
Скажи мне, отчего тебя
Все радует вокруг?
И настроение твое
Всегда на высоте»...
Развеселился тут родник:
«Послушай мой ответ:
Не буду спорить, на земле
Меня счастливей нет.
Я весел, счастлив оттого,
Что вижу солнца свет,
Смотрю свободно на него,
И лучше жизни нет!»
(Пер. подстр. – К.Х.)

В басне недовольной жизнью землянке противопоставляется родник, обладающий той внутренней свободой, которая позволяет ему ощущать себя счастливым. Свобода для кавказских народов в целом имеет жизненно важное значение, и это находило отражение во множестве художественных произведений различных авторов. Известнейший поэт М.Ю. Лермонтов называл Кавказ «суровым краем свободы», даже богом, то есть самым важным, незыблемым для кавказских народов, по его мнению, была свобода: «Им бог – свобода» [Лермонтов 1955: 153–154]. Также мораль басни может быть связана с умением ценить то, что у тебя есть, что отсылает нас к адыгскому аскетизму, выражающемуся в довольствовании тем, что уже имеешь.

Идеалы честности, нравственного долга, умеренности и благонамеренности, пропагандирующиеся в баснях Б. Тхамокова, во многом восходят к этическому кодексу адыгов «Адыгэ хабзэ». В этом отношении особенно характерна басня: «Почтительность и Счастье» [Тхамоков 1994: 50]:

Почетным местом за столом Почтительность гордилась
И тем, что Счастье вслед за нею появилось,
Что так их посадили за столом:

Она на первом месте, Счастье – на втором.
Благополучие своей заслугой считала
И свысока на всех из-за стола взидала.
Сидело Счастье, тихо усмехаясь,
Над Почтительностью про себя смеялось.
И вдруг сломало Счастье тишину:
«Ты чем гордишься? Что-то не пойму.
Живешь ты только на устах людей,
А я – у них в сердцах!
Так кто из нас важней?»
(Пер. подстр. – К.Х.)

В басне Б. Тхамоков не только говорит о том, что тщеславие и высокомерие не красят человека, но и поднимает философский вопрос: что важнее – почтительность или счастье?

Неслучайно сюжет басни развивается за столом, ведь застолье в адыгском этикете обладало высокой социальной значимостью, существовала детальная регламентация обряда трапезы. Кабардинский писатель З. М. Налоев указывал, что помещение, в котором принимали гостей и устраивали застолья, – кунацкая – была «и концертным залом, и кабинетом, где решались политические проблемы, и университетом для подрастающего поколения» [Налоев 1978: 49]. Поведение за столом многое могло сказать о человеке, и правилам столового этикета адыгов учили с раннего детства.

Обычно за столом почетное место занимал глава застолья: «Почетное место, наиболее удаленное от входной двери, занимал глава застолья. Остальные рассаживались в порядке убывания возраста и ранга» [Бгажноков 1987: 92]. Главе застолья традиционно подчинялись все присутствующие.

Как мы видим в басне Тхамокова, на почетное место посадили Почтительность (нэмыс). Почтительность крайне важна и является частью пяти постоянств адыгской этики, даже реализация человечности, другого постоянства «хабзэ», не может осуществляться без почтительности – уважения к окружающим людям, к их чести и достоинству.

Счастье также тесно связано с почтительностью, что выражается кабардинскими пословицами:

Нэмыс зимыІэм насып иІэкъым – В ком нет почтения, у того нет счастья;
Нэмысыншэр насыпыншэщ – Непочтительный несчастлив.

Поведение Почтительности в басне выражает пословица: «Нэмыс-къэмыс тІысыпІэ щІэкъущ» («Не имеющий почтительности, стремится обрести место за столом»). Не имеет почтительности тот, кто не соблюдает обычаев и не проявляет уважения к людям, что иронично в контексте басни, учитывая, что именно так поступает в ней сама Почтительность.

Мораль басни в целом раскрывается в пословице: «Нэмысым насып къыдокІуэ» («С почтительностью приходит счастье»).

В художественном строе данных басен Б. Тхамокова складывается «философический» дидактизм при отсутствии в них «лишних» эмоциональных красок, бытовых подробностей.

Обращение Барасби Тхамокова к дидактическому жанру может быть связано в целом с его жизненными ориентирами и неизменной опорой на идеи нравственного совершенствования, которые аллегорически были им переданы читателям с помощью стихотворных басен. Прожив яркую жизнь, поэт сумел сохраниться в сердцах множества людей как человек истинно светлый: «Добрые люди не стареют», – слышал я не раз от отца, будучи ещё мальчишкой. Тезису этому являются подтверждением жизнь, душевный настрой и внешний облик Барасби Гумаровича Тхамокова», – пишет в своих мемуарах знаменитый общественный деятель К. Эфендиев [Эфендиев 2010: 394]. Там же мы можем прочесть и слова, более полно раскрывающие ориентированность Б. Тхамокова на решение социальных проблем современного общества: «В высокой порядочности Барасби Гумаровича, его человеколюбии и принципиальности я убедился в 1994 году, когда Верховный суд Кабардино-Балкарии рассматривал уголовное дело одного молодого наркомана и хулигана, зверски убившего моего, ни в чем абсолютно неповинного тридцатилетнего племянника, инженера-строителя Александра Жираслановича Эфендиева. Барасби Гумарович участвовал в этом тяжелом судебном процессе в качестве народного заседателя. С глубокой признательностью хочу отметить здесь, что этим трудным делом он занимается на общественных началах более двадцати лет. Не счесть, сколько переживаний связано с этим занятием. Надо, конечно, быть мужественным человеком, чтобы выдержать их» [Эфендиев 2010: 393].

Журналистка Светлана Моттаева в статье, посвященной дню рождения поэта, пишет: «В жизни Барасби Тхамоков, которого я хорошо знала, был на редкость скромным интеллигентным человеком. Воспитанный в лучших традициях адыгэ хабзэ, он никогда не кичился талантом и принадлежностью к высокому званию литератора, оставил о себе не только хорошую память, но и заметное наследие» [Моттаева 2015: 3].

Следует отметить и роль религиозной культуры как нравственного ориентира в жизни Б. Тхамокова: «В течение многих лет журналистской работы Барасби постоянно думал о месте и роли религии в жизни общества. И в итоге в 2000 году отправился в Мекку и Медину на хадж, после чего, как он говорит, «стал жить в другом мире (без спиртных напитков, шумных встреч, с твёрдой установкой не совершать грехов, быть добрым к людям...)» [Эфендиев 2010: 394]. Он также работал над книгой «Хазин (Тафсир (толкование) к Корану)»¹, над ее переводом и адаптацией для кабардиноязычного читателя. Однако его произведения не носят религиозного характера и не тяготеют к определенной конфессии, в отличие, например, от адабов известного кабардинского писателя

---

¹ Хъазин (КъурІэным и тафсир). 2007 [Электронный ресурс] // Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарской республики: сайт. URL: <http://www.kbrdum.ru/PDF/hazin.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

А. Дымова, их мораль является квинтэссенцией всего мирового нравственного опыта.

Проанализировав творчество Б. Тхамокова, мы можем утверждать, что он стремился к максимальной стилистической гладкости, к «нагоде» басенного сюжета, очищению басни от просторечия и натуралистических подробностей. Его басни служат примером кабардинской нравоучительной философской лирики. Среди его достоинств хочется отметить также и образность языка, его умение создать целую картину или охарактеризовать героя всего несколькими словами. Б. Тхамоков использовал всю гамму необычайного богатства звуков, которые придают кабардино-черкесскому языку его красоту и разнообразие, в то же время сохранив простоту и естественность выражения, которые усиливают «душевный» характер его творчества: «Поэтические произведения Тхамокова Б. тематически можно разделить на несколько групп: о дружбе; о любви; о родном крае. Каждая тема раскрыта оригинально, наполнена богатством оттенков чувств и ощущений. Однако при внимательном рассмотрении можно заметить общую тенденцию, пожалуй, главную их особенность – стихи Б. Тхамокова не содержат словесных излишеств, надуманных красотостей. Стихи ясны и просты, это живые образцы доступного адыгского языка» [Алхасова 2019: 75].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алхасова 2019 – *Алхасова С.М.* Обогащение кабардинской литературы новыми именами в период «оттепели» // Вестник КБИГИ (KBINR Bulletin). – 2019. – № 1 (40). – С. 72–77. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-1-40-72-77>

Бгажноков 1987 – *Бгажноков Б.Х.* Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Советская этнография. – 1987. – № 2. – С. 89–100.

Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 97 с.

Берегов 1997 – *Берегов К.С.* Пчела и оса: басня // Отечества родного седые ковыли: сборник стихов и прозы литераторов г. Орска. – Калуга: Золотая аллея, 1997. – С. 11–12.

Выготский 1986 – *Выготский Л.С.* Психология искусства / Предисл. А.Н. Леонтьева. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.

Кудаева 2012 – *Кудаева З.Ж.* Пчела в адыгских мифопоэтических воззрениях // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 1 (96). – С. 39–41.

Лермонтов 1955 – *Лермонтов М.Ю.* Измаил-Бей: Восточная повесть / Подгот. текста К.Н. Григорьян // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3: Поэмы, 1828-1834. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 153–225.

Монпере 1937 – *Монпере Ф. Дюбуа де.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Перевод с французского Н.А. Данкевич-Пушиной. – Сухуми: АБГИЗ, 1937. – 180 с.

Моттаева 2015 – *Моттаева С.М.* Памятные даты мая // Кабардино-балкарская правда. – 2015. – 28 мая. – № 95 (24137). – С. 3.

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 192 с.

Павловский 1981 – *Павловский А.И.* Философская лирика // Русская советская литература 50–70-х годов. – М.: Просвещение, 1981. – 224 с.

Столетов 2007 – *Столетов А.И.* Философия и поэзия: точки пересечения // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 11. – С. 18–23.

- Тхьэгъэпсэу 1989 – Тхьэгъэпсэу У. Бжьэмрэ бадзэхэмрэ (Пчела и мухи) // Советская молодежь. – 1989. – 28 апр. – С. 9. (на каб.-черк. яз.)
- Тхамоков 1994 – *Тхамоков Б.Г.* Спокойное слово: Стихи / Вступ. ст. Л.М. Губжокова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 80 с. (на каб.-черк. яз.)
- Эфендиев 2010 – *Эфендиев К.К.* Годы, события, люди: в 2 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – Т. 2. – 492 с.

REFERENCES

- ALKHASOVA S.M. *Obogashchenie kabardinskoi literatury novymi imenami v period «ottepeli»* [The Enrichment of the Kabardian literature of new names in the period of «thaw»]. IN: *Vestnik KBIGI* (KBIHR Bulletin). – 2019. – No. 1 (40). – P. 72–77. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-1-40-72-77> (In Russian)
- BEREGOV K.S. *Pchela i osa: basnya* [The bee and the wasp: a fable]. IN: *Otechestva rodного sedye kovyli: sbornik stikhov i prozy literatorov g. Orska* [Homeland's gray feather grass: a collection of poems and prose writers of Orsk]. – Kaluga: Zolotaya alleya, 1997. – P. 11–12. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygsкая etika* [Adyghe ethics]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 97 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Traditsionnoe i novoe v zastol'nom etikete adygsких narodov* [Traditional and new in the table etiquette of the Adyghe people]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1987. – No. 2. – P. 89–100. (In Russian)
- EFENDIEV K.K. *Gody, sobytiya, lyudi: v 2 t.* [Years, events, people: in 2 volumes]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. – Vol. 2. – 492 p. (In Russian)
- KUDAEVA Z.Zh. *Pchela v adygsких mifopoeticheskikh vozzreniyakh* [The bee in the mythoeptic views of the Adyghe]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – No. 1 (96). – P. 39–41. (In Russian)
- LERMONTOV M.Yu. *Izmail-Bey: Vostochnaya povest' / Podgot. teksta K. N. Grigor'yan* [Ismail-Bey: Eastern tale. Edited by K.N. Grigoriyan]. IN: LERMONTOV M.Yu. *Sochineniya: v 6 t. T. 3: Poemy, 1828-1834* [Works: in 6 volumes. Vol. 3: Poems, 1828-1834]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – P. 153–225. (In Russian)
- MONPERE F. DYUBUA de. *Puteshestvie vokrug Kavkaza u cherkasov i abkhazov, v Kolkhide, v Gruzii, v Armenii i v Krymu / Perevod s frantsuzskogo N.A. Dankevich-Pushchinoi* [Voyage around the Caucasus, among the Circassians and the Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia and in the Crimea. Translation from French by N.A. Dankevich-Pushchina]. – Sukhumi: AbGIZ, 1937. – 180 p. (In Russian)
- MOTTAEVA S.M. *Pamyatnye daty maya* [Memorable days of may]. IN: *Kabardino-balkarskaya pravda*. – 2015. – May 28th. – No. 95 (24137). – P. 3. (In Russian)
- NALOEV Z.M. *Iz istorii kul'tury adygov* [From the history of the Circassian culture]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 192 p. (In Russian)
- PAVLOVSKY A.I. *Filosofskaya lirika* [Philosophical lyrics]. IN: *Russkaya sovetskaya literatura 50–70-kh godov* [Russian Soviet literature of the 50s-70s]. – M.: Prosveshchenie, 1981. – 224 p. (In Russian)
- STOLETOV A.I. *Filosofiya i poeziya: tochki peresecheniya* [Philosophy and poetry: points of intersection]. IN: *Vestnik TGPU*. – 2007. – No. 11. – P. 18–23. (In Russian)
- TKHAMOKOV B.G. *Spokoinoe slovo: Stikhi / Vstup. st. L.M. Gubzhokova* [Quiet Word: Poems. Foreword by L.M. Gubzhokov]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 80 p. (In Kabardin-Circassian)
- TKHEGEPSEU U. *Bzh'emre badzekhemre* [Bee and Flies: Fable]. IN: *Sovetskaya molodezh'*. – 1989. – 28 apr. – P. 9. (In Kabardin-Circassian)
- VYGOTSKY L.S. *Psikhologiya iskusstva / Predisl. A.N. Leont'eva* [Psychology of art. Foreword by A.N. Leonteva]. – M.: Iskusstvo, 1986. – 573 p. (In Russian)